

О ЛИНГВИСТИКЕ ПРАВА

© 2014 г. Е.И. Темнов¹

Краткая аннотация: статья посвящена лингвистике права. Автор делает вывод, что угрожающее опошление общественной жизни, проявляющееся во всех сферах, может быть радикально преодолено посредством здорового правосознания. И важнейшим условием, необходимым для того, чтобы “духовно разглядеть и одолеть” эту опасность, является лингвистика права.

Annotation: the article is devoted to linguistic of law. The author concludes that threatening vulgarization of public life, which is manifested in all spheres, can be radically overcome by a healthy sense of justice. And the most important condition necessary to “spiritually discern and to overcome this danger is linguistics of law.

Ключевые слова: лингвистика права, юриспруденция, русская словесность, юридический язык, иностранная терминология.

Key words: linguistics of law, law, Russian literature, legal language, foreign terminology.

Юриспруденция, как и другие науки, интенсивно обрастает междисциплинарными направлениями. Наряду с признанными фундаментальными, отраслевыми, специальными предметами появились и появляются новые, дочерние (от лат. *filia*), или аффилиативные, примыкающие (от фр. *affilier* – присоединять, примыкать) дисциплины. Это уже хорошо известные социология права, психология права или не столь популярные пока антропология и этнография права и т.п.

К числу таких родственных дисциплин принадлежит и лингвистика права. *Raison d'être* данного научного направления более чем очевиден. Её разумное основание и смысл существования связаны с тем, что кроме общих, “родовых” свойств и качеств лингвистика права отличается “лица необщим выраженьем” и, самое главное, своих “речей спокойной простотой”. Поблагодарим Е.А. Баратынского за этот поэтический образ, помогающий указать на “речи” как на вполне определяющий признак данной дисциплины, на её важнейшие свойства. Именно “речами”, оглашенными или записанными, хотя и не всегда “простыми” и “спокойными”, в юриспруденции занимается лингвистика права.

Эта наука не упала откуда-то с неба внезапно *ex abrupto* и не выращена неким терпеливцем в пробирке *in vitro*. Она сформировалась закономерно, и нынешний всплеск внимания к ней современных энтузиастов не должен затмевать очевидного факта, что мировоззренческие начала лингвистики

права закладывались блистательной стоической школой. В течение многих веков эта философия служила подлинным фундаментом и побудительной силой “самого совершенного права”. Укажем и на Титул XVI 50-й книги Дигест, которая так и называется “De verborum significatione” – “О значении слов”. Титул не только завершает многотомный памятник права. Он подводит закономерный смысловой итог более чем тысячелетней теоретической и практической деятельности римских юристов.

У права и лингвистики много общего, совпадающего; позволю сослаться на собственную монографию². Приветствуя союз права и слова, как устного, так и письменного, и людей, работающих в данном направлении, выскажу опасения, как представляется, обоснованные.

Во-первых, хотелось бы призвать “юрислингвистов” к некоторой сдержанности. Торопливость здесь, как замечал классик, “неосмотрительна и слепа”. И это так. Юриспруденция консервативна и стабильна, определённа и где-то священна. Юристы ведут свою линию от священнослужителей – понтификов. Они занимались “вещами божественными, а также человеческими”, именно в этом порядке. Служение исключает суету.

Но дело не только в суете и спешке. Дело в том, что в спешном порядке в отечественную юриспруденцию протаскивают не свойственные ей термины. Поневоле вспомнишь о записанном кое-кем в “реакционеры” адмирале А.С. Шишкове,

¹ Заведующий кафедрой общеправовых дисциплин Московской академии экономики и права, кандидат юридических наук, профессор.

² См.: Темнов Е.И. *Iuriprudentia eloquenta* – Звучащая юриспруденция. М., 2010. С. 133–155.

главном борце за чистоту русской словесности. Неблагополучие в экологии юридического языка вызывает обоснованную тревогу. Этот процесс идёт и объективно: преступность не знает границ, и правоохранителям приходится сталкиваться и с рейдерством, и с киднеппингом.

Добавьте к этому информационную сферу – она вся в англосаксонском выражении, управление, финансы, экономика – “зловещая наука” (Т. Карлейль) – переполнены иностранной лексикой. Современные лингвистические тексты предстают некоей загадкой: они абсолютно нечитаемы – там нет русского языка. Учёные-языковеды как будто создали свой закрытый орден, не подпуская и близко непосвященных. Для юриспруденции открыться этому потоку иностранного словоизвержения – смерти подобно. Право зарождалось и всегда существовало как предельно демократический регулятор, понятный всем и каждому. Допустим, что кому-то велик соблазн назвать простого уборщика “менеджером по клинингу”, но зачем в юриспруденцию с чёрного хода тянуть “инвективные фреймы”, “концепты”, “паттерны” и всякие прочие “суггестии”. И.А. Ильин пересмысливал и переводил на русский язык феноменологические категории Гегеля и Гуссерля. А мы собственное “научообразие” превращаем в “научобезобразие”.

И ещё. Опасно раскалывать единый, ясный и литературный язык на якобы “естественный” и “профессиональный”, “юридический” (Н.Д. Голев). Это деление надуманное и абсолютно безосновательное. Восхищение многих поколений вызывает удивительный язык античных юристов, каждый из которых с полным правом именовался “законодателем вкуса” и “мастером элегантности”.

Юридический язык – корпоративный, но, в отличие от языка других корпораций, как правило, искажённого, а то и секретного, он всегда был и должен остаться средством общения, понятным даже минимально образованным людям, к чему призывал ещё Ф. Бэкон в “Новом органоне”.

Великий писатель А.П. Чехов как-то оговорился, что-де национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения. Классика в данном случае следует подкорректировать. В юриспруденции существует-таки национальное право, национальная правовая система. За каждым термином, даже если они совпадают словесно, в англосаксонской правовой семье скрывается своё содержание, в континентальной семье – другое. Жонглирование терминами здесь недопустимо. Юрист Б.С. Никифоров в своих лекциях на примерах показывал опасность “ложных друзей

переводчика”. Ничего, кроме путаницы и неразберихи, не вызовет обозначение прокурора – атторнеем, адвоката – барристером, района – дистриктом и т.п. Бездумное увлечение иностранной терминологией – не столь невинное занятие. Оно имеет самые печальные последствия. Засорение словесным мусором извращает смысл устоявшихся понятий отечественного права, подрывает национальную правовую систему.

Кстати, люди, с лёгкостью необыкновенной именовавшие своё занятие “юрислингвистикой”, и здесь впадают в ошибку. Акцент должен стоять на праве, на юриспруденции, а не на лингвистике. Изучаются лингвистические аспекты права, а совсем не правовые аспекты языкознания. Печально, что и это приходится объяснять.

Во-вторых, не следует сводить всю проблему к языковой экспертизе, направленно понижать статус лингвистики права, “ослепляя” её. Эмпирическую науку без собственного философского основания Шопенгауэр называл “лицом без глаз”, скажем в данном случае – скорее “без голоса и слуха”. У лингвистики права всё необходимое наличествует. Это – драгоценный камень, который гранили и шлифовали выдающиеся представители человечества. Велика опасность засушить, выхолостить, выставить в нищенском одеянии простого юридического средства науку философской, мировоззренческой глубины, обладающую заслуженным авторитетом, своим местом среди других научных направлений, собственным методом и, разумеется, оригинальным предметом.

Пристальное внимание лингвистики права сосредоточено на высшем даре Творца – человеческом слове. Её предметное основание – как разговорная, ороакустическая, так и доверенная носителю словесная форма права. Предмет исследования лингвистики права можно представить и в более широком, хотя и в менее строгом, смысле, сопоставив его с понятием объекта – формы права. Напомним, что в структурном отношении предмет отличается от объекта тем, что в него входят лишь главные, наиболее существенные, с принятой точки зрения и направленности исследования, свойства и признаки. С учётом скорее не материальной, а идеальной природы права предмет лингвистики права тоже идеален. Но, в отличие от идеальных предметов других отраслей знания – математических формул, знаковых систем, концептуальных образов и т.п., он пронизан ярко выраженным духовным началом. Лингвистика права – не физика твёрдого тела. Её предмет ближе всего к душе человеческой, к выражению его мыслей, ибо “мысль не что иное, как внутренне

невысказанное слово” (Зенон из Китиона). Для сухого и трезвого рассудка начала XXI в. такое утверждение стоиков покажется экзотикой. Тем более фантастичным для кого-то сейчас выглядит убеждение Блаженного Августина в том, что никто не делает ничего, прежде чем не произнесёт означенное *verbum intus editum* в своём сердце. Поэтому слово в человеке «зачинается сердечной любовью, связывающей слово и ум человеческий “бестелесной связью”».

Однако вряд ли кто возразит, что слово в правовом общении издревле выражало и разумный смысл, и сердечные эмоции, сохраняло тепло человеческого голоса, его интонационное богатство, его мелос – мелодическое начало. А мелодика речи настраивает не только на оптимизм, счастье и радость (эвдемония), столь свойственные грекам. Мелодика ещё и создаёт согласный ритм пения (мелотупео) в унисон, темп дружной работы, возможность людям действовать совместно, складно, в такт, одинаково понимать закон и поступать правомерно.

Может быть, в “звучащем” устном праве в значительной мере и состоит секрет удивительного правосознания антиков. Его высочайший уровень предстал национальным стереотипом римлян, породил абсолютное доверие к сказанному слову. Так, *fides* – вера стала главным творческим принципом правового общения. Да и сейчас правовой акт может рассматриваться таковым лишь при условии внешнего словесного выражения воли лица, осуществляющего свой проект, будь он грошовой куплей-продажей или избранием на самый высокий административный пост.

В теории права часто отождествляют понятие формы и источника права. И в данном случае уместно подчеркнуть, что вербальная форма права, выражающая внутренний мир человека, его мировоззрение, представление об обязанностях и правах, выступает важнейшим источником права. Замечено, что естественные права человека возникают в форме общественного сознания как притязания индивидов на свободную самореализацию в обществе и государстве, а затем гарантируются в форме закона (В.А. Четвернин). Таким образом, форма – не есть лишь некая пустая оболочка. Она выступает способом существования и выражения содержания. Юристы знают, что в сфере права форма – обуславливающая сторона во взаимосвязи с содержанием. В юриспруденции (не менее, чем содержание) форма представляет подвижную, динамическую сторону целого, одновременно охватывая систему устойчивых связей предмета. Так, устная произносительная фор-

ма права с древности до наших времён является общей для всех аспектов жизни права, сообщая им собственную определённую.

Обратимся к авторитетам античности. В древнегреческой философии категории “содержание” соответствовало понятие “материя”. Платон исходил из того, что чувственные (реальные) вещи возникают из взаимодействия “формы” (идей) и “материи”, причём первой принадлежала лидирующая роль. По Аристотелю, “форма” есть актуализация “материи”, а телесная вещь предстаёт “целостностью”, единством “формы” и “материи”, “оформленной материей”. Приоритет формы не ставили под сомнение и римские юристы на протяжении всей тысячелетней истории римского права: “*Forma dat esse rei*” – “форма даёт бытие вещам”, т.е. форма определяет содержание.

Становление нового научного направления связано не только с открытием принципиально иной предметной основы, но и с положительной невозможностью использовать старый методологический инструментарий. До недавнего времени произвольное нагромождение идеологических штампов составляло в общественной науке почти ветхозаветный “предел, его же не преидеши”. Однако главный и всеобъемлющий исследовательский устой прежнего мировоззрения – способ производства, который, по представлениям основоположника, “обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще” (К. Маркс), оказывается, не работает в рассматриваемой нами сфере права. Один и тот же рабовладельческий способ производства никак не повлиял на “взросление” римского права, последовательно восходившего с архаического, эллинистического уровня до классического и, наконец, постклассического. И наоборот, с момента появления ислама мусульманские страны сменили свой способ производства с феодального на капиталистический, но шариатское право остаётся неизменным. Один и тот же социалистический способ производства в нашем государстве ознаменован прохождением законодательства через целый ряд конституционных рубежей. И такого рода далеко не уникальные примеры можно множить и множить.

Методология и, шире, гносеология, эпистемология, т.е. вся теория познания, изучающая саму возможность познания, его ступени и формы, условия и критерии его достоверности, будучи построенной на вульгарном материализме, воинствующем атеизме, классовом антагонизме, не способна дать истинного понимания столь тонкой материи, как право.

Лишний раз приходится напоминать, что правовые категории, включая языковую форму права, суть абстракции, универсалии, не поддающиеся позитивистскому стремлению их ощутить, потрогать и взвесить. Предмет задаёт метод в науке. Предметная сущность права духовна, само право “есть непреходящий и священный атрибут человеческого духа” (И.А. Ильин). Отсюда ясно, что методология лингвистики права может быть основана лишь на признании духовности права.

Бездуховное представление о праве и его словесных формах не раскрывает и не может раскрыть в полной мере его потенциала. Методологические средства и подходы, используемые в рамках лингвистики права, и создают наилучшие возможности выявить духовное измерение права, проследить те закономерности, которые остаются не увиденными с партийного, антагонистического, идеологизированного угла зрения. Игнорирующий “невещественное вещество” права рискует остаться в привычной колее позитивизма и номинализма.

Лингвистика права изучает право функционирующим и изменяющимся не по предписанным и навязанным кем-то, а по *присущим*, т.е. свойственным его духовной *сущности*, своим органическим законам. Только в этом случае можно ответить и на частные вопросы, и на вопрос общий: разумно ли действующее право в рамках Гегелевой конструкции “Всё действительное разумно, всё разумное действительно”.

Каковы же возможности нового направления, его креативный потенциал, определяющий его функции, задачи, цели на современном этапе? Используя системный подход, лингвистика права ставит своей задачей исследовать языковую форму права. Её цель – глубокое проникновение в природу правовой материи. Она фиксирует предметные связи её отдельных элементов, объективные закономерности, в соответствии с которыми право отвечает на вызовы времени. Речевая, произносительная или записанная, связь обеспечивает сцепление многих, если не всех составляющих права на любых этапах его существования. Свойственный указанному направлению универсальный подход в данном случае и нацелен на выработку сущностных, системно организованных знаний о праве.

Одно и то же право является фокусом различных исследований – культурологических, исторических, этнографических и проч. Есть основание полагать, что именно лингвоюридический подход, обобщая те или иные аспекты предмета, позволяет построить подлинную теорию объекта.

Взгляд на вербальную, коммуникационную форму права как на определённую духовно-культурную целостность обеспечивает более глубокий уровень понимания природа права, предоставляет достаточно веские причины для выделения самостоятельного научного направления, которое может быть определено как лингвоправоведение. Последнее в состоянии синтезировать достижения отраслевых, специальных юридических наук, не исключая упомянутых выше аффилиативных дисциплин.

Центростремительная функция лингвистики права даёт возможность не только юристам, но всем вовлечённым в сферу права находить общий язык в прямом и переносном смысле слова. Скорее это даже не функция в общепринятом понимании, но некая миссия – соединять связь времен, живую правовую ткань, произвольно разделённую формационным подходом на лишённые сколь-нибудь объективно научного характера “исторические типы” права.

Если для периодизации многотысячелетней обобщимой истории права в качестве её *fundamentum classificationis* приглашать не “священную корову” “классового содержания”, а избрать вполне очевидную для всех речевую форму выражения права, то картина предстаёт как нельзя более определённой. Чётко вырисовываются три этапа: период устного права, период права письменного и период права машинного.

В отличие от принятого в истории резкого, рубежного отделения одного периода от другого с точностью до года, месяца или часа периоды правовые наслаиваются под некоторым углом друг на друга, что не ставит под сомнение их существования.

Любопытно, что именно на первом этапе, продолжавшемся от легендарных античных законодателей и в рудиментарном состоянии проявлявшемся и поныне, родителями права выступали лингвистика и языческая религия, а совсем не экономика, восседавшая на этом почётном месте без особых на то оснований. Живой голос римского права – “*viva vox iuris civilis*” – звучал не столь фигурально, сколь реально и фактически везде: на улицах, на форуме, в сенате. Любовь к слову слышимому, звучащему – филология – определила устные, произносительные формы права, что, впрочем, и свойственно западной ораторско-акустической культуре, в отличие от письменной восточной.

С падением Рима письменное бюрократическое “море” затопило Европу, хотя “острова” устного права остались. Они есть и сейчас – на рубеже

техногенного права. “Девятый вал” машинного права подбирается пока тихо, но весьма грозно. Его первые всплески раздавались ещё в конце XIX в., когда, например, цивилист В.Д. Катков предлагал заключать договоры “при посредстве электричества”. А в начале XXI в. электронное право уже диктует свои правила.

Почему же период устного права оказался наиболее плодотворным для лингвистики права, когда красноречие, риторика определяли всё? Попробуем отметить некоторые его черты.

Прежде всего этот период – время не просто неспешного становления права, но его моментального (с точки зрения истории) явления и расцвета. Именно тогда в считанные столетия появилось почти всё: понятия, принципы, институты, процедуры, источники, нормы, определившие на века бытие права. Этот небывалый, беспрецедентный взлёт опрокидывает примитивные эволюционные схемы, с “лёгкой руки” просветителей укоренившиеся в науке.

Право данного периода, несмотря на известные жёсткости и жестокости рабовладельческого режима, отличается такими свойствами, до которых далеко юриспруденции самой либеральной эпохи. Достаточно вспомнить установленные юристами-рабовладельцами (!) демократичнейшие принципы права материального и процессуального, требования, предъявлявшиеся к античному закону.

Устное право древности родилось не на хозяйственном дворе, как это навязывалось долгое время, а в колыбели веры. Лингвистика права доказательно констатирует патронаж религии, предоставившей народившемуся праву родовое имя, указавшей его морально-нравственные ориентиры, подготовившей почву и духовную основу правового общения (подчеркнём: *разговорного* общения). Она же на первых порах подстраховывала ещё слабое *ius* своим авторитетным *fas*, отряжая в помощь цивильному праву собственное “божественное”, “святое”, “священное” право, строго карававшее за оскорбления богов и людей. Современное право, отрицающее веру, религиозность, понятие греха, предрекает собственный духовный крах.

Право первого периода, в отличие от более поздних этапов, покоилось на гуманистической естественно-правовой платформе, предполагавшей веру, доверие, справедливость, долг. К сожалению, начиная с рубежа Нового времени, этическая подоплёка права сменилась силовой. “Сила – основа права” – девиз, отражающий существо в большей или меньшей мере всех школ и направлений права второго и третьего периодов.

Порой этот лозунг приобретает злобещий смысл: “Закон – ничто без аппарата, способного п р и н у ж д а т ь к соблюдению норм права” (В.И. Ленин).

С помощью лингвистики права можно увидеть (уместнее сказать – услышать) различие периодов по основанию языка. В первом случае юридический язык послужил основой языка литературного. Дж.Б. Вико выяснял в своей “Новой науке”, кто появился раньше – поэты или юристы. Письменный период озаботился искусственными языками – эсперанто, идо, окциденталем и прочими “волапюками”, а язык периода электронного права вообще опустился до “смайликов” и “мемов” пока ещё в “виртуале”, а потом, как предрекают программисты, и в “реале”. Может ли лингвистика права с таким “инструментарием” выполнять свою не только коммуникативную функцию, соединяя право и людей, но и не менее важную перцептивную (от лат. *perceptio* – представление, восприятие) функцию, т.е. объяснение его содержания, истолкование, нахождение смысла. То, что часто рассматривается лишь как стадия правоприменительного процесса, было и продолжает оставаться одной из центральных задач юриспруденции. Право действует пока правильно – в соответствии со смыслом юридического правила понимается, усваивается. Право есть, пока оно воспринимается. Вспомним раскритикованного Дж. Беркли: “*Esse est percipi*”.

Да, лингвистика права многообразна. Она имеет солидную историческую основу, и здесь она – скорее филология права. Она пользуется графическим и фонетическим выражением, являет собой речь и текст. Лингвистика права – академическая и прагматическая, философская и прикладная. В нормотворчестве она выступает в обличье юридической техники, в управлении – в виде актов применения права, в правосудии – в состязательности и языковой экспертизе и т.д. Без неё невозможна правовая компаративистика, международное – публично-правовое и частноправовое общение.

Лингвистика права убеждает, что доставшиеся нам в наследство устные процедуры в нормотворчестве, состязательность процесса, открытость и гласность суда ещё работают на благо социальной справедливости, правовой государственности, гражданского общества. Но компьютерному, кибернетическому праву, конклюдентным действиям нет необходимости в речевом общении людей. Однако природа, не исключая природу правовую, “не терпит пустоты”. Божественный дар, культурную человеческую речь заменяют канцеляризмами и американизмами, псевдонаучным мусором, а то и откровенной нецензурщиной.

Всё это сводит колоссальной важности проблеме лингвистики права к трудностям языковой экспертизы, а последнюю, как выясняется, — к отсутствию точного и исчерпывающего словаря бранных выражений. Но разочаруем юрислингвистов: в такого рода словарях нет необходимости, да и словарь не есть аналогия кодекса. Как тут не вспомнить студенческую частушку: “Что нам делать, как нам быть, // Лигвисты убогие // Что не можем объяснить, // Сводим к аналогии”. Кстати, оскорбить можно и вполне приличным и, может быть, комплиментарным словом “гусак”, как виртуозно показал своим незадачливым потомкам Н.В. Гоголь. И здесь хотелось бы перейти к самому главному.

В-третьих, словесное покушение на личность, профессиональный статус, деловую репутацию, национальность, пол при полном отсутствии внутреннего самоограничения, воспитанного в душе каждого богобоязненного, законопослушного человека, может принести и противоположный результат.

В своё время апостол Павел предупреждал ефесян, а с ними и всех христиан: “Всяко слово гнило да исходит из уст ваших” (Ефес. 4, 29). В условиях опрокинутой общественной морали и

доведённой до абсурда доктрины прав человека полюса допустимой и запретной лексики поменялись местами. Так, публичное осуждение гомосексуала или трансвестита сейчас вполне может быть основанием для обвинения в экстремизме и разжигании социальной ненависти и вражды. Этот пример — лишь звено в цепи неизбежных нравственных недугов современного апостасийного общества.

Думается, что, если сейчас мы хотим бороться не с публично брошенными хульными словами, а с затаёнными хульными помыслами, найти причину, а не следствие, то следует вспомнить (и желательно не забывать) завет нашего великого соотечественника Ивана Александровича Ильина, открывшего миру духовную сущность права, обосновавшего роль и значение здорового правосознания. По Ильину, вся общественная жизнь *несома* правосознанием. И угрожающее опошление общественной жизни, проявляющееся во всех сферах (и, разумеется, в межличностных отношениях, в речевом общении людей), может быть радикально преодолено посредством здорового правосознания. И важнейшим условием, необходимым для того, чтобы “духовно разглядеть и одолеть” эту опасность, является лингвистика права.